

Визит Кшиштофа Пендерецкого в Москву прошел на высшем уровне

Муз. обозрение. — 1995. — № 7-8. — С. 16. (Шольв)

Первая пресс-конференция, посвященная приезду Кшиштофа Пендерецкого в Россию, состоялась в Польском Посольстве 12 мая.

Сам композитор/прилетел в Москву 15 мая и поселился в "Президент-Отеле". Утром 16 мая состоялась первая репетиция "Заутрени", вторая половина дня была отдана "свободной культурной программе". После утренней репетиции 17 мая в Концертном зале имени Чайковского прошла пресс-конференция К. Пендерецкого. В роли переводчика выступила доктор искусствоведения, ведущий специалист по польской музыке Ирина Никольская, автор книг "От Шимановского до Лютославского и Пендерецкого" и "Беседы с Витольдом Лютославским", близкий друг семьи Пендерецких. В этот же день в Польском культурном центре исполнялись камерные сочинения Пендерецкого разных лет. После концерта состоялась беседа (своего рода пресс-конференция) К. Пендерецкого с музыковедами и журналистами. Г-н Пендерецкий также согласился ответить на вопросы нашего корреспондента 18 мая, во время репетиции в Большом зале консерватории "Херувимской" и "Заутрени".

18 мая в Большом зале консерватории была исполнена "Заутрени", одно из любимых произведений композитора. В этом же концерте прозвучала "Херувимская песнь", написанная к 60-летию юбилею Ростроповича.

После концерта состоялся прием в Посольстве Республики Польша в Москве. Среди гостей были министр культуры РФ Е. Сидоров, председатель Союза композиторов России В. Казенин, Председатель Музфонда И. Космачев, ректор Московской консерватории М. Овчинников, художественный руководитель студии музыкальных и развлекательных программ РГТРК "Останкино" С. Бэлза, композиторы В. Екимовский, А. Вустин, автор книги о К. Пендерецком А. Ивашкин, обозреватель "Известий" А. Золотов, профессор Московской консерватории В. Мерзханов, И. Никольская...

Конечно, всем было интересно узнать мнение пана Кшиштофа о современной музыке, о перспективах авангарда, об основном векторе развития музыкальной культуры XX века. Но польский композитор предпочитал не говорить "о времени" — в основном "о себе".

Что же можно было понять, присутствуя на многочисленных пресс-конференциях и раутах с участием польского гостя? Только одно: Пендерецкий — весьма светский человек, основное внимание которого в настоящее время сосредоточено на его собственном имени, где он разводит клены со всего мира. Именно об этом он много и с удовольствием говорил. Собственно о музыке же — несколько меньше. И, в основном, то, что российским музыкантам уже давно знакомо по его многочисленным выступлениям в нашей прессе.

И в эксклюзивном интервью газете "Музыкальное обозрение", длившемся не более 10 минут, пан Кшиштоф не вышел за пределы общеизвестного. Поэтому приводим краткую сводку из его многочисленных высказываний в Москве:

"Я работаю на границе между восточной и западной культурами. Несколько произведений я написал под влиянием церковной православной музыки, хотя я католик".

"Если говорить о влиянии на меня отдельных композиторов, то это Шостакович, который меня интересует, может быть, больше всего как дирижера. 80-е годы прошли для меня под достаточно сильным влиянием его музыки. До него были Стравинский и Барток".

"В 70-е годы я жил в США. Но я жил также в Германии, Австрии, Швейцарии... Я сталкивался с разными культурами, и это очень важно для кристаллизации музыкального языка, появляется и возможность сравнить эти культуры. Но "одной ногой" я постоянно был в Польше".

"Я очень рано начал заниматься преподавательской деятельностью. Когда я был на IV курсе Высшей музыкальной школы, умер мой педагог (А. Маляевский — ред.), и мне отдали часть его студентов. Возможно, именно потому, что я рано начал преподавать, мне это быстро наскучило. Не верю в то, что можно научить искусству композиции. Существует некое духовное общение между мастером и начинающим. То же и в живописи — в мастерских признанных мэтров всегда "крутились" молодые, иногда им доверяли написать какую-нибудь ме-

лочь... Лучше всего композиции может учить не композитор, ему просто жалко на это времени, а просто Музыкант".

"В общей сложности я написал около 80 произведений для театра и кино. Когда был студентом — надо было зарабатывать деньги, позже стал коллекционировать живопись, мебель — на это тоже нужны были деньги. Я записывал эти произведения, дирижировал ими. Это была очень хорошая школа, и я не жалею, что мне пришлось этим заниматься".

"Я считаю, что у меня свое собственное направление. Я не принадлежу ни к какому".

"Я только часть времени провожу в Польше, и не могу судить о современном состоянии польской музыки действительно компетентно. Когда мы в 50-е годы начинали, нам было, что открыть. И мы старались это сделать. А современные молодые к этому не стремятся. Они предпочитают идти либо проторенными дорогами, либо просто идут вспять — в тональную музыку. Поэтому каких-то ярких открытий сегодня, пожалуй, нет. Но это тенденция не только в польской музыке, но и во всем мире".

"Только что закончил Второй скрипичный концерт — для Анны-Софи Муттер, его первое исполнение состоится летом в Лейпциге. Мне заказано произведение, посвященное 3000-летию Иерусалима. Возможно, снова возьмусь за оперу — на этот раз будет "Федра" Расина".

"Композитор редко знает, как он пишет. Если много часов сидеть перед чистым листом бумаги, то время от времени озарения приходят, но — очень редко. Работа композитора — интеллектуальная работа, а не ожидание вдохновения. Иначе можно прождать всю жизнь".

"Я не верю в коллективный способ создания произведения. Такие конгломераты не имеют права долго жить".

"Мне ближе немецкая музыка, ее я считаю "выше" других".

"Все, что было очень важно 30 лет назад (авангард), теперь забыто. Новое поколение пишет простую музыку. Это очень опасно для будущего, но, возможно, это не будет долго продолжаться".

О современных композиторах я не люблю говорить. В 50—60-е годы самым важным был Шостакович. А значение тех, кто живет сейчас, станет ясно через 20—30 лет".

"Вера в человека дает мне силы. Я понимаю, что музыка — нечто абстрактное, и, тем не менее, я адресую ее конкретному слушателю".

"Моя музыка и музыка Шнитке находятся в совершенно разных точках пространства, никак не соприкасается".

"Я знаю, что очень много российских композиторов уехали на Запад, в основном, в Германию. Там они получают возможность работать. С одной стороны, это плохо, с другой — это позволяет лучше узнать творчество друг друга".

ДАЙДЖЕСТ

Польский композитор Кшиштоф Пендерецкий (род. 1933) вот уже почти 35 лет входит в число лидеров мировой современной музыки. В начале 70-х начинает выступать

Кшиштоф Пендерецкий давно известен в России. И, несмотря на нелюбовь официальных властей к польскому авангарду, всегда пользовался — в отличие от Лютославского — их благосклонностью. Приезды Пендерецкого даже в самый разгар "застоя" обставлялись помпезно и официально. Быть может, поэтому, что пан Кшиштоф никогда не был в оппозиции кому-либо или чему-либо!

Нынешний визит композитора длился всего четыре дня. Центральным событием стало первое исполнение в России (и первое в православной стране вообще) "Заутрени". Произведение подготовил к исполнению Владимир Понькин — главный дирижер Государственного Малого симфонического и Краковского филармонического оркестров.

как дирижер и быстро добивается признания в этой области. Композитор, дирижер, педагог композиции во многих мировых центрах, многолетний ректор Музыкальной Академии в Кракове, член жюри многих фестивалей и конкурсов, в последние годы Президент Международного фестиваля имени Пабла Казальса, Пендерецкий удостоен самых престижных международных наград, премий, почетных званий.

Композиторская судьба Пендерецкого сложилась на редкость удачно: он стал одним из первых восточноевропейских композиторов, которых "открыл" Запад и уже в начале 60-х годов был широко популярным и даже модным композитором в кругах авангардной музыки. Принадлежит к типу художников-бунтарей, ниспровергателей академизма, он внес весомый вклад в сонористическое направление современной музыки. Открыл неведомые прежде тембры и звучности, новые способы извлечения звуков (в российских столицах из сочинений этого периода звучали "Анакласис" для струнных и ударных, "Памяти жертв Хиросимы" для струнных, Капричио для скрипки и оркестра, Первая симфония).

Но уже в 1966 году закончилась работа над "Страстями по Луке", где была заявлена новая творческая программа, резко расширен диапазон выразительных средств (авангардные средства сочетались с приемами старинной полифонии, традициями барокко). Премьера "Страстей" в Мюнстере (ФРГ) стала мировой сенсацией и одновременно скандалом в авангардистских кругах, упрекавших Пендерецкого в измене идеалам авангарда. Но композитор твердо стоял на своем. "Только раз в жизни можно быть авангардистом, — скажет он позднее, — когда был моложе, хотелось разрушать, но с годами это прошло".

Начиная с середины 70-х следует крутой поворот в сторону неоромантизма — нового течения в современной музыке, которое возглавил Пендерецкий. Нашим слушателям знакомы исполнявшиеся в Москве и Ленинграде в 80-е годы обостренно-экспрессионные Скрипичный, Виолончельный (№ 2), Альтовый концерты, Вторая ("Рождественская") симфония, опера "Черная маска" по Гауптману. Но уже в "Черной маске", а также в Третьей симфонии драматизм местами сгущается до экспрессионизма, и вдруг опять неожиданный поворот: в 1990—91 гг. композитор завершает комическую оперу "Король Убу" (по А. Жарри, премьера — в Баварской опере в Мюнхене), где с потрясающей выдумкой пародирует стили разных эпох. Параллельно в конце 80—90-х годов композитор пишет в совершенно не свойственной ему прежде манере — камерные по настроению, непривычно "тихие", обращенные внутрь человеческой души сочинения (Струнное трио, Sinfonietta для струнных). Видимо, Пендерецкий еще не раз удивит музыкальный мир непредсказуемыми поворотами своей творческой эволюции.

Ирина НИКОЛЬСКАЯ

"Коммерсант-daily"

Кшиштоф Пендерецкий признан православным миром

Организовать исполнение своей православной "Заутрени" в России автор намеревался давно и неоднократно бывая в Москве в 70—80-е годы просил санкции каждого очередного министра. Однако авангардизм и православие, соединенные в одной партитуре, видимо, превышали порог допустимого — хотя музыка Пендерецкого сама по себе была в СССР относительно доступна. В магазинах продавались пластинки, выпущенные фирмой Muza, периодически случались и концерты.

"Важно иметь, кому писать наперекор",

— сказал Кшиштоф Пендерецкий на пресс-конференции, вспоминая свой образ мыслей недалекого прошлого. В молодые годы в его комнате орал младенец, и композитор приучил себя к работе в кафе, где сформировал свою знаменитую "скорость". Его слава началась в 1959 году, когда Пендерецкий выиграл все три премии на конкурсе молодых композиторов (в жюри входил Витольд Лютославский). Вскоре имя Пендерецкого становится известным всему миру, и, конечно же, каждому поляку...

Сегодня нужно проявить очень большую фантазию, чтобы сказать, что Пендерецкий внес в развитие мирового авангарда вклад, соразмерный с величиной его повсеместной славы. Большинство открытий в области так называемой сонористики было сделано мастерами авангарда западноевропейского. Между тем, долгое время, во всяком случае для нас, имя Пендерецкого было символом не только "новой польской школы", но едва ли не всего нового и дерзкого, чем мог похвастать язык современной музыки вообще.

Если выбирать из его биографии самые заметные вехи, то одна из них — поворот к неоромантизму, произошедший в середине 70-х годов. Пендерецкий, пошедший теперь "наперекор" авангарду, к тому времени стал самым высокооплачиваемым академическим композитором в мире. Ему заказывают музыку крупнейшие фестивали, ООН, Олимпийский комитет, его произведениями дирижируют Булез, Караян, Зубин Мета. Он и сам может позволить себе встать за пультом лучших оркестров.

Кшиштоф Пендерецкий, — несомненно, больше, чем просто талантливый популяризатор. Как никому другому ему удалось "очеловечить" структурные и концептуальные открытия первопроходцев и придать языку музыкального авангарда необыкновенно яркий, напряженный, эффектный, а подчас и трагический тон — отличающий, к примеру, и лаконичный опус для 52-х струнных "8:37" (1960, годом позже переименованный в "Плач памяти жертв Хиросимы"), и грандиозную евангельскую ораторию "Страсти по Луке" (1966).

Сейчас пик его влияния остался позади (на мировом горизонте появился его сверстник и соотечественник — Гурецкий). Теперь Пендерецкий пишет скромную, интимную камерную музыку, основное время посвящает дирижерской деятельности и преподаванию, поражает всех разнообразием своих хобби — коллекционера искусства, знатока древней литературы, а также ботаника, выращивающего на девятинадцати гектарах собственный дендрарий с 80 породами клена.

Скажем прямо, что прошлое кумира многих музыкантов (не исключая и отдельных музыкальных обозревателей) — тема намного более богатая, чем только что произошедшее в Большом зале консерватории. Пендерецкий приехал после восьмилетнего перерыва и наконец представил российскому слушателю свою православную "Заутрени".

Возможно, в эпоху своего написания "Заутрени" была подтверждением мощи авангарда, которому подвластно все — вплоть до ассимиляции сакральных традиций. Сейчас же, например, хоровая речитация "Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ", поданная во вполне аутентичном виде, звучит на сцене консерватории несколько смешно, а весь набор типичных для Пендерецкого монтажных клише наводит лишь на грустную мысль о полистилистике.

Партитуры Пендерецкого всегда эффективны зрительно — их изощренная графика словно призвана свидетельствовать о неприменной сложности для исполнения. Для московской премьеры был выбран надежный вариант: Владимир Понькин встречался с партитурой не впервые — он уже дирижировал "Заутрени" с оркестром Краковской филармонии на юбилейном фестивале в Стокгольме (где к 60-летию Пендерецкого было исполнено, страшно подумать, 57 его произведений). В БЗК звучание оказалось довольно блеклым — хору не хватало мощности и точности, оркестровая фактура расплзлась в стороны.

Самым сильным местом и партитуры и исполнения стали солисты-певцы, особенно мужчины. В их редких сольных выходах была и нешуточная экспрессия, и забавное обращение с православными прототипами, и лак отделки. В целом же "Заутрени" — произведение переходное. Вряд ли оно написано без вдохновения, но авангардная часть приемов в ней выглядит устало, а грядущий романтизм еще не обрисовал своей спасительной перспективы.

Петр ПОСНЕЛОВ